

Человек с багровым лицом в сивом парике с косицей вкрадливо вопрошает широкоплечего детину в голубом кафтане и белых чужаках, аппетитно грызущего сочную морковку:

— Хочешь ли ты жениться?

— Уж давно, дядюшка, охота берет! — простодушно отвечает детина, продолжая жевать.

Человек с багровым лицом еще больше багровеет, хватая незадачливого жениха за ворот, и тут зритель уже готовится присутствовать при сцене хоть и театрального, но нешуточного гнева. Но сцена гнева не получается: схваченный было за ворот детина ускользает и всовывает в рот противнику огрызок морковки...

— Видишь ли, Сева, — говорит режиссер детине в голубом кафтане, — смех, который вызывает твой «недоросль» в этом месте, почти совсем снимает серьезность конфликта между Митрофаном и Скотининым. Митрофан здесь забавно глуп, но и только...

Несмотря на то, что мизансцена выходила веселой и хорошо смотрелась, все ее участники, включая и «недоросля» — артиста Всеволода Кузнецова, чувствовали правоту режиссерских слов.

Эту сцену решили повторить, чтобы лучше уяснить, какие детали следует убрать, какие — добавить. После слов «давно охота берет» Митрофан собирается повторить свой трюк с морковкой и в смущении останавливается: морковки не оказывается под рукой. А в это время Скотинин уже бросает ему злую и обидную реплику: «Ах, ты, чушка проклятая!»

И совсем неожиданно мизансцена получает недостающую ей серьезность, выраźnie полчеркивается конфликт между обоими претендентами на брак с героиней.

— Вот когда в точку-то попали!.. — говорит обрадованный Кузнецов.

«Книги имеют свою судьбу». Эта поговорка относится и к пьесам. И вот удивительная судьба постигла комедию русского драматурга XVIII столетия Фонвизина «Недоросль», которая почти сто восемьдесят лет не сходит со сцены русских театров.

С самого момента появления комедии критики оценивали ее как высоко идей-

ное сатирическое произведение, направленное против крайностей крепостного строя и лицемерия идеологов так называемого «просвещенного абсолютизма», который насаждался в России Екатериной II и ее сподвижниками.

В русской литературной традиции такое отношение к комедии и ее автору закрепил Пушкин. В «Онегине» он назвал Фонвизина смелым властелином сатиры.

Такое толкование идейного смысла «Недоросля» за все сто восемьдесят лет не вызвало ни единого возражения со стороны театральных деятелей. Но — странная вещь! — в своей практике они постоянно стремились, если не оспорить его, то во всяком случае сильно смягчить, придавая сатире черты то беззубой бытовой комедии, то попросту фарса.

Не случайно поэтому роли всех «отрицательных» персонажей исполнялись актерами комического амплуа, а первым исполнителем роли Еремеевны, няньки Митрофана, был известный петербургский комик Шумский, так как в труппе придворного театра не оказалось актрисы, острота комедийного дарования которой могла бы удовлетворить постановщиков.

Коллектив Театра имени Ленсовета, приступая к постановке комедии, решил идти не за театральной традицией, а за литературной и тем восстановить ее законные права на сцене.

Особая трудность при этом вставала перед исполнителем заглавной роли, так как текст комедии дает ему слишком много соблазнительных поводов к шаржиро-

ванной трактовке образа. С другой стороны, существовала опасность засушить спектакль излишне «серьезной» манерой игры.

Сколько раз в этих нелегких поисках молодой актер чувствовал себя в непо-

средственной близости от той хрупкой грани, за которой кончается реалистическая сатира и начинается гротеск! Случалось и срываться — и тогда грань оказывалась позади, как в описанной мизансцене с морковкой.

Но, постепенно постигая роль, находя одну нужную черту за другой, Кузнецов создал яркий и убедительный образ дворянского сына, отупевшего от праздности и померной еды; хитрого, упрямого, развязно-дерзкого и в то же время трусливого, — образ велико-возрастного детины, считающего себя ребенком, пустого, холодного и бессердечного.

Умение творчески прочитывать текст пьесы, не искажая авторского замысла, создавать глубокие и верные сценические образы Всеволод Кузнецов подтвердил, непосредственно после «Недоросля» взявшись за исполнение ответственной роли в современном пьесе.

Оге Лунда в «Европейской хронике» А. Арбузова нетрудно сыграть так, чтобы он был «терпим» на сцене, заставляя зрителей в меру скучать. Гораздо менее доступна задача вывести на сцену живого, полнокровного Лунда, способного по-человечески взволновать, заставить поверить в свои печали и радости. И однако эта

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

задача оказалась по плечу молодому актеру.

В работе над ролью Оге Лунда Кузнецов пошел по пути преодоления схематичности этого героя, смягчения «лобовых» элементов в характеристике, данной герою автором.

...Всеволод Кузнецов создал немало сценических образов на подмостках Брянского драматического театра, где он выступал после окончания Ленинградского театрального института, а позднее — в Театре Балтийского флота. Работа в этих коллективах — подчас очень трудная из-за немногочисленности трупп и необходимости готовить спектакли «форсированным порядком» — приучила молодого актера не бояться встающих на пути препятствий, дала ему веру в свои силы, во многом подготовила к выходу на широкий творческий простор. Школа такого опытного и тонкого режиссера, каким является Н. П. Акимов, отточила сценическое мастерство Кузнецова, помогла ему в нужной мере овладеть искусством психологического перевоплощения, благодаря которому Митрофанушка и Оге Лунд — образы, бесконечно чуждые друг другу, — волнуют и убеждают нас в исполнении одного и того же актера.

Широта творческого диапазона, достигаемая сочетанием одаренности с упорной и кропотливой работой, еще раз проявилась у Кузнецова в новой для него области искусства — кинематографии.

В цветном художественном фильме «Запасной игрок» Кузнецов играет футболиста Сашу Веснушкина. Саша любит покрасоваться перед «бодельщиками», он иногда зазнается и перед товарищами, но мягкий и подкупающий юмор спасает его от осуждения зрителей. В общем, Саша — простой и хороший советский парень, с помощью коллектива освобождающийся от своих по-человечески понятных мелких недостатков.

Так же просто, не мудрствуя лукаво, и проводит эту роль актер Всеволод Кузнецов, показав зрителям новую грань своего бесспорно своеобразного дарования.

А. ТИТОВ

На снимке: Всеволод Кузнецов.
Фото Г. Лугового

12 МАР 1955

СМЕНА
г. Ленинград